

ДОН НИГРО

ЕВРОПЕЙСКИЕ

ИСТОРИИ

Дон Нигро

Европейские истории

«Автор»

2020

Нигро Д.

Европейские истории / Д. Нигро — «Автор», 2020

Пьеса-коллаж из монологов. Истории из разных стран и эпох.

© Нигро Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. КОТЕЛ ПОРОЧНОЙ ЛЮБВИ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дон Нигро Европейские истории

Europe's Stories

1. КОТЕЛ ПОРОЧНОЙ ЛЮБВИ

«Котел порочной любви/ A Cauldron of Unholy Loves/1995». Монолог Клер Клермонт, любовницы Байрона и Шелли, матери дочери Байрона. Не предсмертный, но на закате лет. Взгляд издали на бурную и романтическую молодость.

(Один персонаж, КЛЕР КЛЕРМОНТ, красивая женщина лет восьмидесяти, которая говорит из кабинета в своем доме во Флоренции, в 1878 г. Поздний вечер, лампа, ощущение старых книг и множества бумаг, темнота вокруг).

КЛЕР. Ублюдку нужны эти бумаги. Он думает, я не знаю. Он рассчитывает обмануть бедную старую слабоумную суку. Ха! Я могу съесть этого подлеца на завтрак. И все-таки не лишен он грубоватого обаяния моряка, этот капитан Силсби. И он идеальный жилец. За аренду платит вовремя. Гораздо больше, чем стоит его комната, и я знаю, почему. Положил глаз на все, что у меня есть. Мужчины на девять десятых состоят из тайных мотивов. Остальное – дерьмо. И все-таки я получала от них удовольствие. Он всегда цитирует Шелли, эту абсолютную пустышку. Он без ума от Шелли, Байрона, его пьянит сама мысль о безумном времени, в котором мы живем. Ночью мне иногда снятся горящие трупы.

Так иногда в тревожный час ночной/Встает с постели женщина больная¹, он говорит нараспев. Он надеется, что меня это зачарует, как какое-нибудь заклинание друидов, и убедит, не сходя с места, отдать концы. Он боится выйти из дома, опасаясь, что я умру, пока его не будет, и тогда он не сможет выкрасть бумаги у моей племянницы, глупой племянницы, простецкой, жалкой племянницы. И какое я получаю удовольствие, выводя его из себя. Я дразню, намекаю, почти показываю, но не отдаю. Я использую уловки тех женщин, хотя хочет он отнюдь не плоть, нет, а пожелтевшие листы бумаги. Написанное на них отменным итальянским вином, так давно. Он – вампир, ползающий у моих ног. Он дает мне эти считанные последние удивительные победы. Умерший ребенок шепчет мне во сне. Ее убил демон, хотя жила она у монахинь. И однако, я приняла старую веру. Умру в ней. Но только когда его здесь не будет. Да. Я подожду, пока он уйдет. А уже потом отдам концы. Выдержав столько унижений, это приятно, обрести такую власть.

Их всех я вижу в своих снах, Мэри и Перси, Полидори и Байрона. Ах, Байрон. Двадцать седьмое мая, тысяча восемьсот шестнадцатый год. Берег Женевского озера. Байрон и Полидори сходят с корабля, Полидори зеленый, как огурец. Я замечаю их издали и кричу: «Привет». Кричу, максимально точно имитируя баньши. Приве-е-е-е-ет! Он в ловушке, как крыса. Я выпячиваю грудь, чтобы напомнить ему. Всегда мое лучшее достоинство. Первая встреча поэтов, в тот день. Конечно, Байрон еще раньше обрюхатил меня в Лондоне, но Шелли об этом еще не знают. Она шепчет мне в моем сне. Чувство вины. Секс и чувство вины, и умерший ребенок, и огонь в моей голове.

В эти ночи я крадусь по саду после наступления темноты и тайком проникаю на виллу Диодати. В первую ночь уронила вазу, и Байрон выскочил из спальни в ночной рубашке, с взведенным пистолем. Он всегда спал, держа под рукой взведенный пистоль. Тогда он чуть меня не застрелил. Три часа ночи – единственное время, когда я могла уйти незамеченной Перси и Мэри. Он изобразил раздражение, это излюбленная его уловка, но порадовался, увидев меня,

¹ Стихотворение «Убывающая Луна» (1820) Перси Шелли, здесь и далее в переводе Константина Бальмонта.

во всяком случае, мою грудь. Я пожелала знать, почему он не отвечал на мои письма, и он сказал, что не мог разобрать мой жуткий почерк. В этом он был весь, жестокость полагал спасением. Бесстрашный человек боялся меня. Велел мне идти домой. Я пригрозила покончить с собой, это всегда срабатывает. Он сказал, только не делай этого на ковре, ты его перепачкаешь, а горничная только что уволилась, восьмая или девятая после его приезда, он менял их, как перчатки.

Или ты возьмешь меня в постель, воскликнула я, или я подниму этот кинжал – всегда приходите с кинжалом, девушки, – и лишу жизни себя и ребенка, твоего ребенка, которого я ношу в себе. Он ненавидел такие истерики, а я их обожаю, они – мое хобби. Я знала, что он сдастся в тот самый момент, когда я потрусь об него грудью. Слабак, слабак. С кинжалом поосторожнее, сказал он. Некоторые части моего тела мне еще пригодятся. Да, я это прекрасно знала. Прыгнула ему в объятия и заставила отнести меня в постель. Он чуть грыжу не нажил. О, и совокупление, быстрое совокупление в ту ночь и многие последующие. Мне недостает мужской плоти. Моя теперь превратилась в ломкую бумагу.

Днем мы сидели на веранде, ели свежую клубнику. Мэри выбирала ягоды, Полидори выбрал ссору. Он всех ревновал, всех любил, все приводили его в ярость, потому что он был один. Шелли сказал, что такому врачу, как Полидори, он не доверил бы и лошадь. Он бросил перчатку, но Шелли поднял ее, протянул ему и посоветовал съесть пару-тройку клубничин. Шелли не верил в дуэли. Полагал их идиотизмом. Но Полидори, теперь переполненный желанием убить своего кумира, жутко побагровел, Мэри посмотрела на Байрона, и Байрон сказал, что готов стреляться с Полидори, но тот, зная, что Байрон с сорока шагов попадает в муху, сидящую на стене, и способен на все, заявил, что негоже драться на дуэли с работодателем. Шелли протянул ему несколько клубничин. Мужчины рождаются невеждами и умирают глупцами.

Я, разумеется, занималась этим и с Шелли, не один раз. Будучи бедными и путешествуя по Европе, мы часто спали втроем на одной кровати. Я позволяла своим пальчикам нащупать его орган, а заканчивалось это тем, что мы становились зверем о двух спинах, тогда как Мэри притворялась, будто спит, в каких-то двух футах. Ах, если бы я рассказала капитану Силсби эту историю, его вздыбившийся член прорвал бы штаны. У него вожделение к мертвым, и он ждет моей смерти. Эти бумаги – ключ к его такому странному эротическому блаженству.

Шестнадцатого июня, на вилле Диодати, мы собрались у камина в бурную, грозовую ночь. Лорд Байрон забавлялся, читая нам историю с призраками. В брачную ночь мужчина обнимает пышное обнаженное тело невесты, впивается в ее губы, да только ощущает какой-то неприятный запах, открывает глаза и обнаруживает не юную невесту, но труп женщины, которую он жестоко предал многими годами раньше, гниющий и кишачий червями, совсем, как я. Насколько я помню, бедолага-жених, крича, выпрыгнул из окна замка и насадился на железные прутья ограды в ста футах ниже, как насекомое на иголку. Ах, старинные истории, они лучшие. Эрос и смерть. Они рассказывают о наших страхах и наших желаниях, указал Байрон. Мэри возражала, находя связь эротического со смертью извращением. Но Байрон сказал, что это две самые большие загадки, и когда они соединяются, результатом становится мощное алхимическое взаимодействие. Мэри сказала, что это аморально. Но по мнению Байрона, мораль не имела к этому никакого отношения, потому что не было ничего эротичнее страха. Мэри сказала, что это чушь. Она всегда была такой ханжой. На самом деле правы были оба. Байрон был прав, и Мэри тоже, считая его злом, но при этом сама скоро стала знаменитой, описав жуткую брачную ночь Виктора Франкенштейна и его бедной невесты Элизабет, когда монстр влез в окно и задушил ее на кровати. Да, даже Мэри была влюблена в Байрона, хотя и ненавидела его, как и я.

Мы все писали истории о призраках. И под громы и молнии той ночи случилось много совокуплений. Байрон по-прежнему пытался избавиться от меня, но особых усилий не прила-

гал. Развращенность, если по большому счету, полного удовлетворения не приносит, но добродетельность нелепа, и я была под рукой, и ему нравилось мое тело, поэтому, пока гром сотрясал дом, хватало и пота, и стонов, и звериного спаривания. Позже, опасаясь, что ему никогда от меня не избавиться, Байрон отвел Шелли в сторону и попросил забрать меня на какое-то время. Думаю, надеялся, что я упаду за борт и утону, но я умела плавать. Именно тот момент я сочла наиболее благоприятным, чтобы открыть Мэри и Перси свои секреты: что ношу в себе ребенка, что ранее встречалась с Байроном в Лондоне, а сейчас каждую ночь в темноте пересекаю сад и забираюсь в его постель. Видите, что ваш лучший друг Байрон сделал со мной?

Байрона я больше не видела. Он не отвечал на мои письма и не встречался со мной. Переспал с двумя сотнями этих развратных итальянок, подхватил ужасные болезни, которых заслуживал, как никто другой, и они время от времени пытались убить его или покончить с собой, прыгая в венецианские каналы, стреляя в него из арбалета или чего-то такого, они были от него без ума, все женщины были от него без ума, потому что, думаю, от него так сильно пахло смертью. И пока он прелюбодействовал с тремя четвертями всех замужних женщин Италии, я рожала его ребенка, мою сладенькую Аллегру, но он забрал ее у меня, держал в своем дворце, полным диких птиц и животных, потом отправил в монастырь, где она умерла. Байрон в это время отбивался от ревнивого мужа своей последней любовницы. Испытывал он угрызения совести за убийство моего драгоценного дитя? Думаю, нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.